

Лариса Арефьева

ГИНЕКОЛОГ ЕДЕТ ПО МИРУ

Путешествие
из Тетюхе в Гамбург
и новая жизнь
в 40 лет

18+

Лариса Арефьева

Гинеколог едет по миру

«Автор»

2025

Арефьева Л.

Гинеколог едет по миру / Л. Арефьева — «Автор», 2025

В моей жизни происходило много перемен и были самые разные приключения. Я часто переезжала: из России в Сингапур, спустя два года — на Кипр, а затем в Германию. Меняя страну, я каждый раз менялась и сама, мое мировоззрение и отношение ко многим вещам становилось кардинально иными. Но одно всегда оставалось неизменным — моя любовь к медицине и своей профессии. Я — простой человек, несколько раз начинавший строить свою жизнь и карьеру с нуля. Я ошибалась, радовалась, смеялась, трудилась и побеждала. Сейчас я востребованный специалист в своей сфере, блогер, счастливая, красивая и умная женщина. Эта книга — не просто описание перипетий переездов, столкновений с особенностями менталитетов и самых разных ситуаций — от комических до печальных. Это история о том, как сохранить важную и ценную часть себя, когда внешние обстоятельства меняются со скоростью света. Это история о моем росте — как профессиональном, так и внутреннем. И о том, что на все в жизни можно посмотреть с добрым юмором.

© Арефьева Л., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	20
-----------------------------------	----

Лариса Арефьева

Гинеколог едет по миру

Введение

Мой отец прожил насыщенную и интересную жизнь. Все детство я слушала его истории, затаив дыхание. Когда я немного подросла, то захотела, чтобы о жизни папы слышали и другие люди. Но, к сожалению, он не верил, что его воспоминания могут быть интересны кому-то, кроме собственной семьи. Папа не оставил после себя ни строчки. Хотя его жизнь, наполненная событиями, переживаниями, опытом и достижениями, могла бы стать ценным наследием не только для нашей семьи, но и для многих людей. Ведь, читая о жизни другого человека, мы начинаем понимать глубже не только его мир, но и свой.

Поэтому я решила написать автобиографию. Ведь моя история поможет мне не только сохранить собственные истории и опыт, не только заново осмыслить их, но и передать миру. Что вы возьмете из моей книги? Поддержку, если вы находитесь на пороге переезда в новую жизнь? Или, может быть, вы посмеетесь над забавными ситуациями, с которыми я сталкивалась на своем пути? А может, вы найдете в этой книге островок спокойствия, радости и хеппи-энд, которых так не хватает нам сегодня в этом изменчивом мире? Что бы вы ни нашли на этих страницах, я хочу, чтобы вы на моем примере убедились: преодоление трудностей и вызовов всегда ведет к росту.

Несколько раз я решала оставить привычную и комфортную жизнь и с головой окунуться в неизвестность. И, конечно, иногда мне было страшно. Ведь жизнь не состоит из указателей, правил и инструкций. Жизнь многогранна и непредсказуема. Она любит посылать нам вызовы. Но я всегда знала, что в итоге все закончится хорошо. Сейчас, оборачиваясь назад, я понимаю: препятствия на моем пути научили меня принимать себя такой, какая я есть, вместо того чтобы гнаться за недостижимыми идеалами. Я научилась доверять себе и ценить то, что у меня есть.

«Длинная дорога начинается с маленького шага», – эти слова я повторяю себе каждый раз, когда приступаю к новому делу и иду навстречу изменениям в своей жизни. Эти слова успокаивают меня, напоминая: маленькими шагами можно преодолеть любой путь. Со всеми трудностями можно справиться. Единственное, с чем справиться нельзя, – так это с сожалением о никогда не начатом.

Но кое-что в моей жизни всегда оставалось неизменным – это любовь к профессии. С самого детства я мечтала стать врачом. Моя бабушка выписывала себе журнал «Здоровье», и как только я научилась читать, то разом «проглотила» все выпуски этого журнала, которые были у нас дома. Тогда передо мной открылся удивительный мир человеческого организма. Я смотрела на себя в зеркало и представляла, как в моем теле течет кровь и работают внутренние органы; я поражалась тому, что мои глаза видят, а уши – слышат. Это казалось мне волшебством, и я захотела делиться знаниями о том, как устроен каждый из нас, с другими людьми.

С возрастом детское любопытство и наивная мечта превратились в стремление получить образование и работу. Сейчас медицина – это моя реальность. Я – акушер-гинеколог, и моя профессия связана с самым большим событием, которое только могу себе представить, – с рождением ребенка. Я – первая, кто видит крохотную жизнь на экране аппарата УЗИ. Я ощущаю себя причастной к тому, что эта жизнь растет и развивается, а затем появляется на свет.

Вся моя работа пронизана эмоциями. Когда мои пациентки счастливы, то я разделяю счастье вместе с ними. Когда они напуганы, я их утешаю. Когда они проживают моменты утраты или печали, я отдаю им всю доброту и стойкость, которые во мне есть. А когда пациентки благодарны мне, я понимаю, что состоялась как специалист.

Эта книга – тоже способ поделиться эмоциями. Не хронологическим отчетом о своей жизни, не описанием достижений и не уроками о том, как правильно поступать. Моя цель – рассказать о том, что со мной случилось. Передать этому миру все свои теплые истории, все моменты грусти и слабости, все важные для себя выводы и мысли. И если что-то из написанного мной найдет отклик в вашем сердце, если вы захотите поделиться со мной своими эмоциями от прочитанного, то я буду этому очень рада. Я самый обычный человек. Меня можно случайно встретить в супермаркете около дома, ко мне можно прийти на прием, со мной можно столкнуться на улице и мне можно написать в социальных сетях.

А еще – можно прочитать мою книгу! Я надеюсь, что она поможет вам взглянуть на жизнь легко и вдохновенно. Надеюсь, что мой опыт будет для вас полезен. И я надеюсь, что моя история останется в вашей памяти.

Глава 1. Тетюхе, или Как я решила стать врачом

Каникулы в деревне, велосипед и разбитые коленки

Начало 70-х годов. Жаркое пыльное лето. Железнодорожная станция Сибирцево в Приморском крае, где я проводила свое последнее лето перед первым классом у бабушки с дедушкой.

Сельская аптека, стеклянные полки со скудным ассортиментом, и я – маленькая девочка – восхищенно смотрю, встав на цыпочки и открыв рот, на пипетки, глазные палочки, клистиры и прочие прекрасные и загадочные штуки – атрибуты нового для меня мира. В руке тают таблетки глюкозы с аскорбинкой, за чем я, собственно, и была послана в аптеку, гольфы сползли, минуты идут одна за другой, а сонная толстуха-аптекарьша настолько ленива, что даже не гонит меня. Я зачарованно стою, как будто приросла к витрине, и мечтаю о том, как было бы здорово подержать в руках или хотя бы прикоснуться к этим вещам!

Аптека закрылась на перерыв, и мне пришлось выйти. С тех пор глюкоза с аскорбинкой в нашем доме не переводилась. Я была готова бегать за ней каждый день. На мое счастье, мама свято верила в полезность витаминов, а бабушка любила кисло-сладкий вкус этих таблеток. Даже запах аптеки приводил меня в восторг, я помню его до сих пор! Тишина, неспешность и строгость аптекарских работников завораживали. Тогда я решила: когда вырасту, буду работать в аптеке!

Были у меня и другие увлечения. Например, дед купил мне хороший велосипед – зеленый «Орленок» с толстой низкой рамой, на котором я гоняла по округе с ребятами, такими же, как и я, внуками, «сданными» на лето бабушкам и дедушкам. Мы пытались проехать по самым узким мостикам; учились ездить без рук, задом наперед, на заднем колесе; соревновались в скорости. Коленки мои не успевали заживать от постоянных падений. В одно из таких колесо велосипеда погнулось в восьмерку, а белоснежные бинты, наложенные только вчера, ободрались в лохмотья, пропитались кровью и запыхались.

На подходе к дому я заревела и, размазывая грязным кулаком слезы по лицу, зашла в калитку. Тут следовало точно соблюсти время эффектного появления и продолжительность рёва, так как долго плакать я не умела. Дед при моем появлении схватился за голову:

– Лариса, опять?! Всё, не видать тебе больше велосипеда! Да будет ли этому конец?!

На его крики я только всхлипывала, придерживая свободной рукой сползающие бинты. Прокричавшись, дедушка пошел за перекисью водорода, бинтами и листом алоэ – уже привычным летним набором. Спустя несколько минут коленки уже были промыты, а я внимательно наблюдала, как в ране шипит перекись. Алоэ приложено, все обмотано бинтами, и я в сотый раз клянусь, что «больше так не буду», но велосипед все равно оказался заперт в гараже. Теперь главным было не забывать убедительно хромать и вызывать помощь по дому или огороду. План сработал: нестрогое дедово сердце растаяло, и он пообещал мне вечером на сеновале, где мы ночевали при хорошей погоде, рассказать «за жизнь».

Рассказывая «за жизнь», дед объяснял мне, как устроена мельница и сколько звезд на небе, рассказывал, как работал милиционером... Только о том, как он воевал танкистом в Северном Китае, в Маньчжурии, дед не хотел говорить.

– Тебе не надо этого знать. Война – это страшно. Это грязь и ужас, – качал он головой.

Война была знакома мне только по дворовым играм. Мы играли в нее с мальчишками, вытягивая жребий, чтобы понять, кто кем будет на этот раз. Однажды мне выпала роль Евы Браун, жены Гитлера. Схватка была недолгой: наступающая «красная армия» подбила «Гитлеру» глаз, а мне осколком бутылки порезали руку. Дальше все по схеме: рёв, слезы, перекись, алоэ, бинты и мои клятвы «больше так не быть». Добавились только угрозы деда всыпать «красноармейцам» по первое число. Нет, дети были вовсе не жестокими, просто, играя, мы входили в раж.

Следующую неделю мне действительно пришлось провести взаперти. Велосипед дождался починки (дед держал слово), и я, слоняясь по дому, нашла стопку журналов «Здоровье», выписываемых и бережно хранимых бабушкой. Я присела, открыла журнал и растворилась в нем, забыв, как дышать. Вот где было настоящее чудо! Передо мной открылись знания о том, как устроено человеческое тело, какие болезни нас подстерегают, и о многом другом. Читать

я научилась еще до школы, поэтому за неделю домашнего ареста «проглотила» всю годовую подписку. От корки до корки, от геморроя до психических заболеваний – я прочитала всё. Там были даже стыдливые статьи о сексе и предохранении, что еще больше расширило мои горизонты и сделало авторитетом в глазах подружек.

И даже ремонт велосипеда отошел для меня на второй план, а в разговорах «за жизнь» я поднимала исключительно медицинские темы, которые дед поддерживал как мог. Бабушка в моем воспитании принимала лишь косвенное участие. В основном она давала наказания. Например, о том, какую животину как кормить, когда они с дедом уезжали на другой огород или на рыбалку. Плавать она не умела, но с удочкой заходила в реку по горло, и деду приходилось поглядывать, виднеется ли еще ее кепка над водой. Иногда я ездила с ними на дедовом мотоцикле. Бабушка ехала в люльке, а я – сзади, в дедовской пропахшей потом каске. По дороге мне нужно было громко петь, чтобы дед был уверен, что я не свалилась с сиденья. И хотя Бог обделил меня этим талантом, деду мое пение очень нравилось. На обратном пути он останавливался нарвать нам с бабушкой полевых цветов. Откуда у этого деревенского парня с Урала, окончившего восьмилетку и милицейские курсы, были такие галантные привычки?

Насколько я помню, бабушка была довольно неласкова и к внукам, и к нему. Работа в огороде, рыбалка, уход за животными, засолка и прочие заготовки – вот что по-настоящему занимало ее. Готовила она очень вкусно. Если к нам приезжали гости, то столы ломились от количества блюд, а в летней кухне постоянно дымились тазы с вареньем, сверкали ряды банок для засолки и маринадов, бачок с летним квасом дожидался жаждущих в холодном погребе. В конце застолья пелись украинские песни – когда-то бабушка была в хоре запевалой.

Была у нее маленькая страсть – мороженое. Когда его привозили в магазин, я бежала туда с трехлитровой стеклянной банкой. На велосипеде я ездить не рисковала: его могли украсть, поэтому булок пять хлеба, а еще мороженое или масло в больших банках я просто несла на себе. Воду мы набирали на колонке и возили домой в огромных бидонах на специальных тележках. Так делали все, и мы, дети, хоть и не любили эти обязанности, должны были помогать взрослым.

Когда дед с бабушкой возвращались с рыбалки, они взвешивали свой улов. Тогда к нам подтягивались соседи: посудить, где рыба ловится, а где нет. Если улов деда перевешивал, то бабушка обижалась и говорила, что больше на «это чертово озеро не поедет, сказала же, что надо было ехать на реку». Дед только хмыкал, пряча улыбку. Если же старенький безмен показывал перевес в бабушкину пользу, то он чертыхался и заявлял, что «ноги его больше не будет на этой реке, говорил же, что самый клев на дальнем озере». Бесплатный концерт для соседей заканчивался, когда оба садились чистить рыбу для заморозки, жарки или ухи. Для меня дед обычно привозил сомика: нежное мясо без костей я очень любила.

Сейчас я понимаю, как много любви дал мне дед. Испытав на себе, как мужчина может любить и заботиться, на меньшее я уже никогда не была согласна. Отец мой был более суров в этом отношении. Помню, как он учил меня плавать – отнес на середину реки и бросил в воду. Я, конечно, выплыла, но было страшно, хотя он и стоял рядом.

Дед часто баловал меня подарками. Например, купил шикарный белый портфель, какого не было ни у кого в школе. А велосипеды мои менялись каждое лето, хотя после трех месяцев моей езды старый так и так уже никуда не годился.

Первая операция – спасаю жизнь коту

Лето, полное событий, закончилось, и я вернулась в Тетюхе, к родителям. Милое название Тетюхе произошло, предположительно, от китайского словосочетания: «Долина диких кабанов». В Приморье, в отрогах горного хребта Сихотэ-Алинь, раньше действительно води-

лось много кабанов. А маньчжуры, выходцы из Северного Китая, жили и охотились в этих местах. Позже поселок стал городом и был переименован в гордый Дальнегорск. Как же много их в России: Дальнегорсков, Высокогорсков... А Тетюхе осталось только в моем свидетельстве о рождении.

Когда я приехала домой, то увидела, что наш толстый флегматичный сибирский кот Бонифаций отказывается от еды, но орет голодным басом, сидя над миской.

– Похоже, у него шатается зуб. Вот он и не ест, – озабоченно сказала мама.

Боню мне было жалко. И, когда родители куда-то ушли, я отловила кота, принесла в родительскую спальню, удобно уселась на кровать и зажала его между коленями. Обленившийся и ни о чем не подозревающий сибиряк не возражал, так что я раскрыла ему пасть и ощупала все зубы. Клык действительно шатался.

– Будем удалять, – важно заявила я пациенту, ухватила за клык и дернула.

Кот взвился, в низком полете совершил два круга по комнате, сбил мамин любимый кактус и дал деру. Я осталась сидеть на кровати с окровавленным клыком в руках.

Когда родители вернулись, я как смогла замела землю из-под кактуса обратно в горшок, а Бонифаций забился под диван. Наказания не последовало, одобрения тоже. Маме было жалко свой кактус, а папа просто пожал плечами. На следующий день Боня уже вился на кухне, поглядывал на свою кормилицу и просил добавки. Не отказался он даже от каши, которую обычно игнорировал.

«Выздоровел! Помогло мое лечение», – подумала я. Жаль, что у кота зубы больше не болели и в «операциях» он не нуждался... Зато потом у него обнаружили глисты, и мы с мамой вливали страдалицу в пасть горькое лекарство. Опишу кровавые подробности подобных процедур – владельцы когтистых котов меня поймут.

Настала осень, и я пошла в школу. Новые друзья и подруги, домашние задания, кружки и спортивные секции поглотили все мое время.

Летом перед вторым классом мама заболела. Сначала она ослепла, но, к счастью, зрение вернулось. Однако ослабели ноги. Именно так часто дебютирует рассеянный склероз. Мама заболела всерьез и навсегда. Когда болезнь прогрессировала, папе приходилось в буквальном смысле слова носить маму на руках в ванную, на улицу, на балкон.

Сибирское здоровье папы же подводило его только тогда, когда он срывал спину в спортзале в попытке взять большой вес. Тогда применялись простые и эффективные средства: пострадавший, крихтя, укладывался на живот, а мне вручался горячий утюг и предписывалось аккуратно гладить поясницу родителя через полотенце. Не обошлось без казуса и здесь: как-то, замечтавшись, я «проехала» утюгом по голой коже выше полотенца. Отец взвился не хуже Бонифация, чудесным образом излечившись от радикулита.

Но на «глажке» папы мои способности не заканчивались. В старших классах я уже ловко делала внутримышечные уколы, кипятила шприцы, мерила давление, ставила горчичники и банки. Почти что до моего десятого класса мама могла передвигаться по дому на коляске, а ее руки работали, так что дома все сверкало; завтраки, обеды и ужины предоставлялись в полном боевом комплекте, а с домашними заданиями у меня не было никаких сложностей. Она, учительница математики, могла помочь с любым предметом. И не только мне – со всей нашей пятиэтажки приходили сами или были посланы родителями школьники, чтобы подтянуть «хвосты». У нее получалось отыскать «ключик» к каждому ленивцу. Поток детей и их родителей не прекращался до самого возвращения отца с работы.

Часто и подолгу маме приходилось лежать в больнице. Я каждый день забежала к ней после школы, помогала с уходом и докладывала о своих делах. Соседки по палате у мамы были разные. Помню, как мы смеялись, когда мама рассказала одну историю.

Лечащий врач-невропатолог, назовем его Турин, был высоким видным мужчиной. Подозреваю, что многие пациентки охотно соглашались на госпитализацию именно из-за него. По утрам Турин делал обход, расспрашивал и осматривал пациенток. Тем, кому ставили внутримышечные уколы, приходилось придумывать, как спастись от шишек после многократных инъекций. В ходу были, например, йодные сеточки – на кожу пострадавшего участка наносился ватной палочкой спиртовой раствор йода.

Одна пациентка решила подшутить над другой: не нарисовала сеточку, а оставила йодом свой комментарий. Утром пострадавшая пожаловалась врачу, что место инъекций вздулось и болит.

– Показывайте, – велел врач.

Дама кокетливо откинула полу халата и приспустила белье. Палата ахнула и захохотала. «Турин – дурак!» – именно это «послание» было крупно и разборчиво выведено на объемной филейной части страдалицы. Турин хохотал вместе со всеми. Дальнейших подробностей я не знаю. Наверняка был скандал и выяснение отношений.

Решено: спасу мир от инфекций!

В школе я запойно читала. У моей одноклассницы была огромная домашняя библиотека, и мне разрешалось брать оттуда книги на дом. Я прочитала про Луи Пастера и других пионеров в области микробиологии, про ученых, изобретавших вакцины и пытавшихся ввести их в обиход. Многие из них не были поняты и приняты современниками и кончили жизнь трагически. Другие заразились, ставя опыты на себе.

Книжка выпадала из моих рук, взгляд уходил вдаль: мне мечталось о том, как, став крупным ученым, я тоже спасаю и прививаю, в далеких степях борюсь с сибирской язвой, сыпом, чумой, а если повезет – то и с проказой. Я представляла, как получаю награды (наверняка посмертно). И как мое имя останется в книгах, а будущие поколения будут благодарны мне за мои открытия.

«Да, решено, стану инфекционистом». Масла в огонь подлил фильм «Открытая книга», в котором ученые, как раз в степях и прочих суровых условиях, сражались с инфекциями и спасали людей. Не отставали и герои художественной литературы: меня весьма впечатлил рассказ Артура Конан Дойла о прокаженном «Человек с побелевшим лицом».

Но как же долго в детстве тянется время! Целые столетия должны были пройти до моего поступления в медицинский, его окончания и самоотверженной работы с опасными заболеваниями. Моя мудрая мама не отговаривала от работы с инфекциями. Она просто объяснила, что лучше все же окончить лечебный факультет, а там уже бороться с проказой себе на здоровье. Или, к примеру, стать невропатологом. Выбор предстоял нелегкий: спасти маму или человечество?

А пока что приходилось жить жизнью обычной школьницы. Еще в первом классе, чтобы направить мою энергию в мирное русло, родители отдали меня в секцию спортивной гимнастики. Занималась я с энтузиазмом, но гибкости мне не хватало, к тому же стало ухудшаться зрение. И, в третий раз упав с бума, я бросила секцию. Не знаю почему, но родителям я врала, делая вид, что гимнастику посещаю. Обман вскрылся, когда мама случайно встретила преподавательницу на улице. После домашнего «разбора полетов» ходить на гимнастику меня, к счастью, больше не принуждали.

Настольный теннис, шахматы, бадминтон, конькобежный спорт, фигурное катание – все было мной перепробовано. Кроме тяжелой атлетики: в те годы женщинам разрешалось только сидеть в зале и подбадривать своих мужей и родственников. Отец часто брал меня на тренировки, и зрелище коренастых мужчин в смешных купальниках, подпоясанных специальными поясами, грохот железа, запах талька и особого, спортивного, пота до сих пор милы моему

сердцу. Тренировки нередко продолжались и у нас дома: на стол выставлялось все что есть, а штангистам требовалось много. Были вино или коньяк – выпить спортсмены тоже любили. А папа брал гитару и пел.

Праздник заканчивался, когда нетерпеливые супруги разбирали своих разомлевших чемпионов. В быту эти могучие люди были, как правило, мягкосердечными подкаблучниками и безропотно давали себя увести, уговаривая любимых женщин не сердиться. Мама не поощряла такие сборища, но терпела, понимая, что лучше мужу оставаться у нее на глазах. Она всегда накрывала стол, за что все тяжи ее очень любили. Часто они приходили пообщаться с ней, а то и пожаловаться на жизнь.

Сколько я себя помню, в доме постоянно толклись какие-то люди: соседи забегали между делом, заходили приятельницы и школьники разного калибра. Как-то отец даже выставил одного такого школьника за дверь. Паренек заехал на новых роликовых коньках прямо к нам в квартиру и сделал два круга по залу, чтобы мы могли разделить его радость по поводу обновки.

В итоге мной была выбрана секция легкой атлетики. Бег с барьерами, стометровки, прыжки в высоту, в длину и с шестом – я перепробовала все. Было ясно, что медалей мне не видать: роста не хватало. Но разве это главное?! Главное – это спортивный дух, соревнования и замечательный тренер Эдуард Отмахов, легенда Приморья, не ругавший нас за опоздания и ошибки и всегда терпеливо объяснявший технику бега и прыжков. Его сын стал олимпийским чемпионом в беге. В те годы спорт был довольно популярен.

Я с удовольствием ходила и на уроки физкультуры. Помню, как с середины баскетбольной площадки забросила мяч прямо в корзину! Жаль, что корзина оказалась нашей...

В десятом классе я занималась на заочных подготовительных курсах медицинского института, ходила на курсы кройки и шитья и шла на золотую медаль (но не дошла: медали распределялись где-то «в верхах»). В это время подростки еще и влюбляются, что не миновало и меня. Мне хотелось ходить на дискотеки, и родители этому не препятствовали. Мама сказала, что доверяет мне и что я глупостей не наделаю. Глупостей и правда не было! Скорее, невинные шалости...

В десятом классе вместо уроков труда нам были предложены курсы секретарей-машинисток, нянечек в детсадах и медработников. Понятно, что я выбрала.

Нашу районную больницу я знала как свои пять пальцев. Только отдельно стоящее маленькое здание я обходила стороной. Туда-то, в морг, спросив предварительно наше согласие, нас и пригласили на вскрытие. Помню, как патологоанатом, красноносый толстяк в объязательном клеенчатом фартуке, завернув скальп на лицо трупа, распиливал черепную коробку и показывал нам серое с розовыми прожилками содержимое. До конца вскрытия мы не достояли и отправились, пошатываясь, по домам. Запах формалина и еще чего-то ужасного три дня потом стоял в ноздрях. Три дня я не могла есть, но решения своего не изменила: буду поступать в мед.

И вот – школа окончена! Впереди целая жизнь, и одноклассники вдруг стали такими милыми и родными. Поклявшись никогда не расставаться, мы отправились поступать в университеты.

Глава 2. Владивосток, или Юность гинеколога

Я – студентка, долой длинную косу, да здоровствует баранка!

После окончания школы я приехала во Владивосток, поселилась у своей тетки и подала документы в институт. И (ура!) сдала экзамены и прошла со средним баллом. Из экзаменационных вопросов я помню только вопрос по биологии о способе размножения не то каких-

то головоногих, не то каких-то головобрюхих. Отвергнув все сомнения (на экзамене некогда сомневаться!), я определила их в гермафродиты. По лицу преподавателя поняла, что, наверное, не все они и не всегда являются гермафродитами; а может, никто из них никогда ими и не являлся, но было уже поздно. Зато на все остальные вопросы я ответила без запинки. Долой головоногих, меня приняли! Я – студентка Владивостокского медицинского института.

Меня поселили в общежитии. Я была третьей в комнате, моими соседками оказались шестикурсницы, шедшие на красный диплом. Ходить по комнате мне полагалось на цыпочках, говорить – шепотом, а стопки книг обходить, не прикасаясь. Обе соседки казались мне старыми, скучными и невыносимо правильными. Вместе со мной в институт поступила моя подруга, и ее тоже поселили в комнату с двумя шестикурсницами, но совсем другими. Встретившись как-то на перерыве между лекциями, мы обменялись жалобами на своих соседок, и я поняла, что мои две зубрилки – просто подарок судьбы по сравнению с ее соседками, полными оторвами.

Группа моя состояла из 12 человек и сразу мне понравилась, мы с одноклассниками быстро сдружились. На лабораторных работах я брала кровь из пальца у терпеливого соседа по парте. Кровь никак не набиралась в длинную пипетку, и я продолжала свои попытки, пока не ощутила на своей ноге что-то мокрое и теплое. Оказалось, что кровь «жертвы» стекала, минуя пипетку, по его кисти, а дальше – по моей ноге, на пол. Были и лягушки, которых мы препарировали, чтобы в дальнейшем ставить опыты на их мышцах. Еще я помню занятия по анатомии. Об экзаменах по этому предмету среди учащихся ходили страшилки: мол, преподаватели специально «срезают» студентов на теме по проводящим путям мозга.

Была и ненавистная физика. Лекции по ней читал преподаватель кафедры, назовем его Молаев. Он читал лекции так, что студенты приняли за единицу нудности один «молай». На его занятиях наша группа развлекалась написанием на спинках стульев посланий студентам педиатрического факультета. Припоминаю такие «высокие» высказывания, как «Лучше быть отцом макаки, чем учиться на педфаке». Будущие детские врачи не отставали: «Лучше бегать с клизмой в ср*ке, чем учиться на лечфаке».

Целый год длились мои мучения с физикой. Я ее и читала, и записывала, и даже понять пыталась, и к помощи сведущих в предмете людей прибегала, и шпаргалки горами на экзамены готовила. Но никак я ей не нравилась! Физика отвергала все мои попытки подружиться. Гораздо позже, когда у моей дочери начались такие же проблемы с этим предметом, я поняла, что это врожденное, да еще и передающееся по наследству. Ну что тут поделаешь! Когда последний экзамен по физике был сдан, мы расстались с кафедрой со взаимным облегчением.

Учиться мне было интересно, хоть и приходилось много ездить по городу: из главного корпуса – в больницу, с практических занятий в больнице – обратно в главный корпус на лекцию, потом в библиотеку – готовить домашние задания. Вечерами – зубрежка, на выходных – кипячение халатов и колпаков и разговоры с родителями из переговорного пункта. Иногда я ездила навестить бабушку с дедом. Как они радовались моим успехам и гордились тем, что их внучка, студентка мединститута, будет Врачом! На обратную дорогу до Владивостока мне в карман клались «красненькая» от бабушки и две «красненькие» от деда, а гостинцев – солений да маринадов – было так много, что они отрывали руки.

Первый курс пролетел как одно мгновение. Теперь можно было выдохнуть и оглядеться.

Оглядевшись, я поняла, что девушки в моей группе и на курсе сильно различаются. Были шикарные, стильно одетые городские девчонки; многие из них уже имели солидных женихов из престижных вузов. На фоне городских мы, «деревенские», выглядели непрезентабельно, и с этим следовало что-то делать. Но и это еще не всё! Как просветили меня сведущие в моде подружки, оказалось, что с внешностью мне катастрофически не повезло. Подкачали ноги – не модельной длины.

Остальные части моего тела тоже не радовали, и лицом я как-то не удалась... А ведь хотелось нравиться! Ну, конечно, пусть парни штабелями и не падали бы, но хоть парочка восхищенных взглядов за день каждой девушке полагается. И я решила: долой хлеб и булки, даешь постный винегрет и салат из морской капусты! Коса отрезана, челка высветлена, а глаза увеличены жирными стрелками до самых висков. Подружки такую смену имиджа одобрили. Оставалось только прикрыть одеждой «страшные изъяны» в теле, которые пока еще коррекции не поддавались. С этим выручила барахолка, на которую ранним воскресным утром мы поехали в холодных, набитых битком электричках. За городом мы обменяли свои грóши на шикарные вещи, привезенные моряками из загранки или купленные в чековых и валютных магазинах. Денег мне хватало: присылали родители, а расходы на питание я урезала в попытке достигнуть если не модельного роста, так хотя бы модельной худобы. К тому же со второго курса я подрабатывала: сначала санитаркой, а потом медсестрой. И денег подзарабатывала, и опыта набиралась.

Примерочных на барахолке, понятное дело, не было, и вещи покупались «на глаз». Помню, одно остромодное пальто я носила, закатав рукава. Когда я давала его высоким приятельницам «на выход», рукава раскатывались, и так пальто подходило под любой рост. После обновления гардероба я стала «ничего», да вот беда: с кавалерами в меде было негусто. Половина была занята более бойкими девчонками, а другую половину вообще призывали в армию.

ВУЗ = Выйти Удачно Замуж?

Говорили, что парни водятся в торговой мореходке – самые желанные женихи, имевшие все шансы «доплыть» до капитанов дальнего плавания, да еще в военно-морском училище – будущие морские офицеры; они тоже ничего, если, конечно, их не пошлют на какую-нибудь дальнюю точку охранять белых медведей. Мнения моих подруг на этот счет разделились: одни стояли на торговом флоте, а другие тяготели к строгой военной выправке. Помимо простого штурма во время субботних дискотек существовали и другие возможности получить доступ к курсантам. Например, одна моя знакомая устроилась подрабатывать медсестрой в военный госпиталь. Мне в госпиталь ездить было далеко, а на дискотеках в военном училище парни оказались слишком высокого о себе мнения.

Перспектива удачного замужества представлялась туманной. А следовало торопиться, как внушали мне подружки: «Вон Наташа заявление подала, а Лена уже и родила». ВУЗ расшифровывался как «Выйти Удачно Замуж». В моей семье тема раннего замужества как-то не поощрялась: бабушка и мама побывали в загсе в 23 и 24 года соответственно. Они шутили, что если я продолжу традицию, то выйду замуж в 25. Но, как просветили меня подружки, замуж выходить надо как можно раньше, иначе потом я стану «перестаркой» и никто меня в жены не возьмет. Однако что-то внутри меня говорило, что спешить не стоит, что следует жить сегодняшним днем и первым делом окончить институт. А там... А что там, кем я буду? На пятом курсе происходило распределение по специальности. И я пока еще не знала, что выбрать.

На курсе так третьем-четвертом мы проходили нервные болезни. Зайдя в палату к неврологическим пациентам, я еле сдержала слезы. Тогда же я четко поняла, что невропатологом мне не быть. Хирургия меня тоже не привлекала, а инфекционные болезни, как и подростковое желание спасти человечество (желательно ценой собственной жизни), остались в прошлом. В физику, как вы поняли, дорога мне была заказана. Так что же оставалось? Какую кафедру выбрать?..

После четвертого курса на летней практике в родильном отделении все той же поселковой больницы мне довелось принимать роды прямо в коридоре. Опытная роженица, ожидающая четвертого ребенка, стиснув зубы от болезненной схватки, позвала нас – двух студенток:

– Девочки, подойдите. Я, по-моему, рожаю.

И правда, у нее между ног уже показалась головка младенца. Первым моим желанием было, придерживая рождающегося ребенка рукой, в панике закричать: «Врача сюда, скорее!»

Врача? А мы тогда кто? Ведь практика уже была врачебная. За пару секунд, которые мы с напарницей стояли в ступоре, природа взяла свое – и младенец, весь в слизи и смазке, какой-то сморщенный, появился на свет. Красивым я бы его точно не назвала, скорее наоборот. Но таинство рождения, которое каждый день переживают акушеры в родзале, – это великая вещь. Я прослезилась от эмоций. Вот он, новый человек, пожаловал в этот мир – принимайте! Долго еще мы находились под впечатлением от «самостоятельно» принятых родов.

Впечатлила и кафедра психиатрических болезней. В коридоре мужского отделения передвижение пациентов в одинаковых полосатых пижамах напоминало броуновское движение¹: каждый по своей орбите, своим темпом и в своей манере. Некоторые смирно сидели, подпирая спинами стены. Наш преподаватель, очень мягкий и добрый человек, как-то на наших глазах в три счета скрутил замахнувшегося на него бугая. Секции борьбы и единоборства в Тетюхе не было, так что к работе в психиатрии я была не готова физически.

Самое тяжелое впечатление на всех нас произвело женское отделение. Если мужчины, пусть и небритые, но все же коротко стриженные и в одинаковых пижамах выглядели обычными людьми, то неухоженные, серые женщины с пустыми глазами, лишенные самой женственности лекарствами или душевным разладом... В женском отделении мы примолкли и после занятий даже не обсуждали интересные случаи, как это бывало на других кафедрах. Нет, там работать я бы точно не смогла.

Кафедра внутренних болезней находилась в больнице пароходства. Наш куратор, истинный фанат своего дела, преподавая нам азы терапии, говорил, что мы должны уметь оказать помощь голыми руками и в любых условиях. Например, выслушать сердце безо всякого фонендоскопа. Нашими пациентами были молодые курсанты, и мы, красивые студентки, откинув волосы назад, ложились ухом на голую грудь испытуемого, обдавая его запахом духов и повергая несчастного в краску. Грохот курсантского сердца слышала вся палата. «У него явное нарушение сердечного ритма», – сообщали мы, а преподаватель лишь усмехался в усы. Учили нас также пальпировать живот и отстукивать границы печени. Иногда, когда мы появлялись в дверях, бывалые пациенты распахивали пижамные куртки – и мы видели, что у них на телах уже нарисованы границы искомых органов.

– Девочки, не надо нас мять и стучать. Мы еще не мылись после предыдущей группы. Вот вам и печень, и селезенка, – говорили курсанты.

На кафедре инфекционных болезней, к которым я уже окончательно остыла, работала моя тетя. Свое родство мы не демонстрировали, и я точно не ожидала, что она возьмется преподавать у нашей группы. Но именно так и случилось.

– Я решила взять вашу группу, чтобы протестировать твои знания, – сообщила она мне.

Я-то думала, что у меня получится просто тихо отсидеться на занятиях! А пришлось учиться... Я опять пошла в библиотеку и взяла книги заведующей кафедрой, которая когда-то сама открыла и исследовала некоторые приморские инфекции. Например, дальневосточную скарлатиноподобную лихорадку. Век бы о ней не слышала, а пришлось зубрить!

На всех занятиях тетя спрашивала меня нудно и долго, я отвечала по дополнительной литературе. «Слабовато», – вздыхала «добрая» родственница, а группа удивленно переглядывалась, сочувствуя мне. На экзамене я сдавала билет другому преподавателю, и как! Я блистала: мне поставили «пятерку» только потому, что не могли поставить «шестерку». «Ну уж

¹ Броуновское движение – беспорядочное движение микроскопических видимых взвешенных частиц твердого вещества в жидкости или газе.

нет, никаких инфекций», – решила я. Даже проказа уже не волновала мое воображение. С такими родственниками и проказы не надо!

К шестому курсу я уже съехала из общежития. Я снимала квартиру со своей подругой, училась и подрабатывала в глазном отделении. Выбор был не случайным. Ночью в этом отделении было тихо: ни «острых» животов, ни кровотечений – спи себе спокойно, а утром отколи, закапай, прокипяти и бегом на занятия. Количество пациентов после праздников всегда увеличивалось: какой русский не любит погулять с размахом! Помню девушку с тупой травмой орбиты² – пробка от шампанского попала бедняжке прямо в глаз. Все обошлось, и зрение не пострадало, но этот Новый год запомнился ей надолго.

Выбор специальности, первые взлеты и курьезы в профессии

На пятом курсе мне очень понравились преподаватели в большой городской больнице на кафедре гинекологии: неимоверно занятые, веселые, легкие люди. Оперативные вмешательства в гинекологии минимальные, и я подумала: «Почему бы и нет?» Весь шестой курс мы активно изучали акушерство и гинекологию, и чем дальше, тем больше мне нравилась эта специальность. Шестой курс пролетел так же быстро, как и первый. Мы сдали экзамены, получили дипломы, дали клятву Гиппократу и ушли – каждый в свою взрослую жизнь. Было грустно и немного страшно.

К этому времени я уже познакомилась со своим будущим мужем и решила остаться во Владивостоке. Сначала я работала в городском роддоме, а потом – в женской консультации одного из районов. Коллектив, полностью женский, у нас был приятным и сплоченным. Часто и весело мы отмечали праздники, работали тоже с удовольствием. Своих первых пациенток я уже и не помню. Однако в памяти остались самые яркие эпизоды. Как, например, я ездила разыскивать сбежавшую из роддома роженицу с сифилисом...

Я приехала по указанному адресу в огромную малосемейку³. В ней обнаружился длинный коридор с дверями по обеим сторонам. Окно в конце коридора было наглухо заколочено. И чем дальше я шла, тем темнее вокруг становилось. К концу коридора я продвигалась на ощупь. В двери, на которых не было номеров, я звонила или стучала, чтобы узнать, где какая квартира. В некоторые двери я стучать побоялась: звуки оттуда ясно давали понять, что люди там гуляют и веселятся, а моим вопросам рады не будут. За какими-то дверями гулянка достигла уже той стадии, что лучше было держаться подальше, чтобы меня ненароком этими самыми дверьми не зашибли.

Беглянку я не нашла и несолоно хлебавши вернулась домой, а на конференции расписала, какой смертельной опасности подверглась на вчерашнем рейде. От следующих заданий меня это все же не освободило. Случались и визиты в самый дальний пригород. Например, за беременной, которая давно не приходила на прием. Мне дали машину с водителем, немного знавшим эту окраину. Пропавшая пациентка нашлась в частном доме-хибаре; семья уже праздновала благополучное разрешение от бремени. Счастливая мать сидела за столом и отмечала наравне со всеми, хотя плацента еще не отошла! От госпитализации она отказалась, от приглашения «посидеть» отказались мы с водителем.

Одно время во Владивостоке жило много вьетнамцев. Вьетнамки часто приходили на прием, почему-то выбирая в качестве лечащего врача именно меня. Приехавшие женщины были в основном молодыми и здоровыми, работающими, приятными и очень смешливыми.

² **Тупая травма глаза** – тип травмы, при которой пострадавший получает сильный удар в глаз, обычно каким-либо предметом.

³ **Малосемейка** – многоквартирный дом, состоящий из большого количества однокомнатных квартир небольшой площади.

Нередко случались языковые курьезы. Например, как-то я пыталась объяснить беременной, что спазмолитик в виде свечи ей нужно будет вводить на ночь в задний проход. Пациентка лишь недоуменно таращила на меня свои черные блестящие глазки. На мое счастье, в кабинет зашла санитарка (без стука, как было принято в те годы), собравшаяся мыть полы, не дожидаясь (что тоже было обычным делом) конца рабочего дня. Посмотрев на наш диалог «слепого с глухим», она решительно отставила швабру в сторону, наклонилась и задрала халат. Повернувшись задней частью к пациентке, показала пальцем на конкретное место.

– Сюда толкай, ясно? – спросила она деловито.

Беременная молча закивала головой. Не знаю, действительно применяла ли она эти свечи, но беременность доносила и родила в срок.

Помню беременную, приехавшую в наш город с цирком. Поскольку работала я быстро, ко мне часто направляли тех, кто обратился без записи. Девушка пришла просто провериться и уточнить срок беременности. Когда она, раздевшись, села на кресло, я обомлела: все ее тело от ступней до пояса было покрыто черно-синими точками. Вот тебе и инфекционные заболевания! «Догнали меня эти инфекции», – пронеслось у меня в голове. «Выглядит ужасно и наверняка острозаразно. Посмертная медаль, о которой я мечтала в детстве, мне гарантирована. Что это вообще за заболевание?» – размышляла я, осматривая больную. Беременная улыбнулась:

– Это меня блохи покусали, я с медведями работаю.

Я вздохнула с облегчением. Подумаешь, блохи: с кем не бывает?..

Еще в начале своей карьеры я поняла, как мало мы знаем о механизмах вынашивания и родов и как слабо можем на них влиять. Основную работу делает, как и сотни лет назад, матушка-природа, даря нам детей или отказывая в этом счастье.

Тем временем я вышла замуж, ушла в декрет, родила дочь – и «взрослая жизнь» понеслась еще быстрее...

Глава 3. Сингапур, или У меня нет диплома Оксфорда

Едем в рай

– Ура, мы едем в Сингапур! – закричала я и повисла на шее у мужа. – Анюта! – позвала я дочь.

Та, погруженная в свою игру, прискакала на одной ножке из детской.

– Ты хочешь поехать в Сингапур?

– Да, мама, хочу. А где это?

– Сама не знаю. Неважно! Посмотрим на карте.

Так вопрос был решен в одну минуту. Едем!

Муж не ожидал, что я соглашусь, да еще сразу и безо всяких уговоров. Утром ему неожиданно предложили место суперинтенданта в японской судоходной компании. Офис ее располагался в Сингапуре, а поскольку экипажи на многих пароходах были русские (что дешевле, чем платить тем же британцам), в офис требовались русские интенданты со знанием английского и опытом работы в море.

Сборы и подготовка документов заняли какое-то время, поэтому сначала в Сингапур муж улетел один, а через три месяца туда отправились и мы с дочерью. Весь июнь 2006 года дочка ходила к репетитору по английскому языку. Сейчас я удивляюсь, почему тогда не взяла уроки английского и для себя. Видимо, посчитала, что «рудиментарных» знаний, полученных на первых двух курсах института, мне вполне хватит на первых порах. Представлялось, что аборигены говорят по-английски так же медленно и просто, как и я, и что проблем со взаимопониманием не возникнет. Да и времени оставалось немного – в первую очередь следовало отпроситься с работы в длительный отпуск или же сразу уволиться.

После беседы с заведующей женской консультацией я все же уволилась. Несмотря на некоторые прежние трения (с кем не бывает!), простились мы вполне по-дружески. По возвращении мне было обещано место, что, конечно, вселяло оптимизм. За квартирой обещала присмотреть двоюродная сестра. В школе мы предупредили, что уходим, и, возможно, навсегда. Мы купили билеты и наконец-то посмотрели на карте, где находится Сингапур. Оказалось, что далеко – лететь предстояло около часа до Сеула, а там пересадка и шесть часов до места назначения. Кроме того, мы с удивлением узнали, что Сингапур – город, остров и государство одновременно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.